

БАЛАШОВ Иван Владимирович,
соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления РТУ МИРЭА,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВОЛЯ» И «ИНТЕРЕС» В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ

Аннотация. В статье представлена историческая эволюция доктринального восприятия понятий «воля» и «интерес» в отечественном праве от дореволюционного периода до современных кодификаций; приводится догматический анализ действующих норм ГК РФ о сделках и защите прав, а также обобщение судебной практики по спорам, связанным с конфликтом волеизъявления и охраняемых интересов; формулируются практические рекомендации по гармонизации правоприменительных подходов, направленные на повышение стабильности гражданских правоотношений.

Ключевые слова: воля; волеизъявление; условия действительности сделок; оспори-
мые сделки; правосубъектность.

BALASHOV Ivan Vladimirovich,
Candidate of the Department of State and Legal Disciplines
at the Institute of Management Technologies of RTU MIREA

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF “WILL” AND “INTEREST” IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. The article presents the historical evolution of the doctrinal perception of the concepts of “will” and “interest” in Russian law from the pre-revolutionary period to modern codifications; provides a dogmatic analysis of the current norms of the Civil Code of the Russian Federation on transactions and protection of rights, as well as a generalization of judicial practice in disputes related to the conflict of will and protected interests; formulates practical.

Key words: will; expression of will; conditions of validity of transactions; disputed transactions; legal personality.

В российской цивилистической доктрине понятия «воля» и «интерес» традиционно занимают центральное место как фундаментальные категории, определяющие природу субъективных прав и юридически значимых действий. Правовая неопределённость в вопросе приоритета воли или интереса при разрешении споров о недействительности сделок порождает существенные сложности в правоприменительной практике [25,30,32]. Анализ судебных решений последних лет выявляет противоречивые подходы к оценке значимости дефектов волеизъявления по сравнению с нарушением охраняемых интересов [1,3], что снижает предсказуемость гражданско-правового регулирования и создаёт риски для стабильности имущественного оборота.

Значимость, обсуждаемого вопроса, обусловлена двумя взаимосвязанными факторами: продолжающейся модернизацией гражданского законодательства России и ростом количества сложных споров в сфере договорных обязательств. Реформы последних десятилетий, направленные на гармонизацию отечественного права с международными стандартами, остро поставили вопрос о необходимости пересмотра традиционных цивилистических конструкций с учётом современных экономических реалий. Особую значимость приобретает выработка единых доктринальных подходов к соотношению воли и интереса, которые позволили бы преодолеть фрагментарность судебной практики [36,23]. Необходимость такого согласования продикто-

вана не только потребностями правоприменения, но и задачей повышения уровня правовой определённости для участников гражданского оборота в условиях цифровизации экономики и глобализации рыночных отношений.

Начиная с исторического анализа, заявленной проблематики, следует отметить, что в дореволюционной российской цивилистике первоначальное понимание воли формировалось под влиянием естественно-правовых концепций, заимствованных из западноевропейской юридической мысли. Теоретики права рассматривали волю как выражение индивидуальной автономии субъекта, подчеркивая её метафизическую природу и связь с нравственными началами. Данный подход отражал идеи либеральной философии, признававшей волю основополагающим элементом правосубъектности. Ключевые представители российской юриспруденции второй половины XIX века видели в воле источник возникновения гражданских прав и обязанностей [22, 28, 16].

С развитием позитивистской методологии в конце XIX века произошла существенная трансформация трактовки воли в гражданско-правовой науке, а именно, юристы стали отказываться от метафизических обоснований, сосредоточившись на формально-догматическом анализе правовых явлений. В свою очередь, позитивистский подход требовал рассматривать волю не как философскую категорию, а как юридически значимый факт, подлежащий объективной интерпретации, что привело к переосмыслению роли воли в структуре правоотношений и механизмах правового регулирования. Формализация понятия воли выразилась в разработке строгих критериев её определения и закрепления в гражданском законодательстве, цивилисты позитивистского направления акцентировали внимание на внешнем выражении воли, а не на её внутреннем содержании. Такой подход позволял минимизировать субъективные факторы при оценке правовых действий, обеспечивая стабильность гражданского оборота. В результате воля стала рассматриваться как технико-юридический элемент сделки, требующий четкой процессуальной фиксации [35, 34].

В поздний дореволюционный период классическая волевая теория столкнулась с критикой со стороны учёных, указывавших на её ограниченность в объяснении сложных правовых явлений. Поиск компромисса между естественно-правовыми и позитивистскими подходами привёл к разработке синтетических концепций, учитывающих как субъективные намерения, так и объективные проявления воли. Российские цивилисты начали признавать необходимость сочетания волевого момента с другими элементами правоотношения,

включая интерес и социально-экономические условия [18]. Эти тенденции подготовили почву для дальнейшей эволюции понятия воли в советский период.

Понимание же интереса в российской цивилистике дореволюционного периода формировалось как производного элемента от волеизъявления. Субъективное право рассматривалось через призму воли управомоченного лица, где интерес выступал вторичной категорией. Эта позиция основывалась на влиянии немецкой пандектистики, подчёркивавшей примат воли в правоотношениях. Как отмечал Д.И. Мейер, «интерес есть цель, для которой право существует» [28], что отражало инструментальный подход к данной категории.

Во второй половине XIX века происходит теоретическое переосмысление роли интереса в гражданско-правовой доктрине. Д.И. Мейер обосновывал самостоятельное значение интереса, связывая его с целеполаганием правового регулирования. Его работы заложили методологическую основу для анализа интереса как самостоятельного элемента правоотношений, не сводимого исключительно к волевым актам [26]. Дальнейшее развитие концепции связано с трудами Г.Ф. Шершеневича и Н.М. Коркунова, которые углубили теоретическое обоснование интереса. Г.Ф. Шершеневич утверждал, что «право есть защищённый интерес» [35], подчёркивая его нормативную значимость. М.Н. Коркунов развивал эту идею, рассматривая интерес как объективную основу для правовой защиты, что свидетельствовало о постепенном переходе от волевой теории к более комплексному пониманию правообразующих факторов [19].

Практическое применение категории интереса в Российской империи нашло отражение в судебной практике и законодательных актах. При разработке проекта Гражданского уложения 1905 года интерес рассматривался как критерий при оценке действительности сделок. Устав гражданского судопроизводства 1864 года закреплял защиту законных интересов сторон, что проявлялось в институтах обеспечения иска и предварительных мер. Эти положения демонстрировали постепенное признание интереса в качестве самостоятельного элемента правовой системы.

Советский период ознаменовался принципиальным пересмотром классических цивилистических концепций воли и интереса под влиянием марксистско-ленинской идеологии. Индивидуалистические начала гражданского права, характерные для дореволюционного периода, были объявлены пережитком буржуазного общества. Теоретики советского права, опираясь на работы классиков марксизма, рассматривали волю не как

автономное выражение личности, а как социально обусловленное явление. «В условиях социалистического строя воля участников гражданских правоотношений не может противопоставляться интересам трудящихся масс», — подчеркивал О.С. Иоффе в своих работах [14]. Правовая доктрина советского периода последовательно отрицала самостоятельное значение воли индивида, подчиняя её интересам государства. В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года принцип свободы воли был существенно ограничен нормами планово-административного регулирования. Д.М. Генкин отмечал, что «советское гражданское право исходит из примата общественных интересов над индивидуальными, что исключает абсолютизацию волевого момента» [12]. Это положение находило отражение в институтах признания сделок недействительными по основаниям противоречия государственным интересам.

Концепция коллективной воли стала методологической основой советской цивилистики, отражая приоритет общественных интересов в условиях плановой экономики. Коллективная воля трактовалась как выражение интересов всего социалистического общества, реализуемое через государственное планирование и регулирование хозяйственной деятельности. И.Б. Новицкий указывал, что «единство воли всего советского народа, руководимого коммунистической партией, является гарантией правильного сочетания личных и общественных интересов» [29]. Данный подход закреплялся в нормах об обязательности плановых заданий и ограничении договорной свободы хозяйствующих субъектов.

Категория интереса в советском гражданском праве приобрела инструментальный характер, став механизмом государственного регулирования хозяйственных отношений. Законодательство последовательно проводило идею приоритета охраны интересов социалистического государства над частными интересами отдельных граждан и организаций. С.Н. Братусь подчеркивал, что «интерес в советском праве всегда носит общественно значимый характер, отражая цели социалистического строительства» [9]. Это проявлялось в особом порядке защиты государственной собственности, преимущественном обеспечении обязательств перед социалистическими организациями и расширенных основаниях расторжения договоров в интересах народного хозяйства.

Переходя к вопросу о доктринальных моделях соотношения воли и интереса, следует отметить, что в классической российской цивилистике воля традиционно рассматривается как фундаментальный элемент, определяющий юридическую природу сделки. Этот подход восходит к трудам дореволюционных правоведов, подчёркивав-

ших психический акт свободного волеизъявления как источник возникновения обязательств. Теоретики гражданского права исходили из примата внутреннего решения субъекта над внешними формами его выражения, что закрепляло автономию воли в качестве краеугольного камня сделочной конструкции. Данная позиция получила развитие в работах представителей немецкой пандектной школы, чьи идеи оказали существенное влияние на российскую юридическую мысль. Даже в случаях несоответствия сделки требованиям закона классическая доктрина признаёт наличие волевого акта как исходной точки правового анализа. В случаях, когда договор признаётся (судом) незаключённым, нельзя отрицать наличие волеизъявления сторон, направленного на определённые последствия, но такое последствие не соответствует требованиям закона [21]. Это положение демонстрирует устойчивость традиционного подхода, согласно которому воля сохраняет своё первичное значение независимо от конечной действительности сделки [25]. Таким образом, данная концепция отражает представление о воле как имманентном свойстве гражданско-правового отношения, предшествующем его нормативному оформлению.

Современные исследователи предлагают концепцию «модифицированной воли» [33], адаптированную к условиям усложнившегося гражданского оборота, она сохраняет автономию волеизъявления как ключевого элемента сделки, но учитывает влияние внешних факторов — экономических, технологических и социальных. В целом же цифровизация договорных отношений и глобализация хозяйственных связей потребовали переосмысления классических постулатов без отказа от их базовых принципов [31].

С другой стороны, критика абсолютизации волевого начала выявила необходимость его корреляции с объективированными формами выражения, отмечается, что чрезмерный акцент на внутренней воле субъекта создаёт трудности в правоприменительной практике, особенно при разрешении споров о действительности сделок. В свою очередь, это привело к разработке концепций, предполагающих единство внутреннего волевого процесса и его внешнего проявления, и в целом, современная цивилистика стремится к балансу между признанием значимости воли и требованием её адекватного формального закрепления [32].

Юридический интерес в цивилистической доктрине определяется как социально значимая потребность субъекта, находящаяся под охраной объективного права [10]. Данная категория отражает осознанную необходимость в обладании материальными или нематериальными благами

для удовлетворения жизненных потребностей. В отличие от психологической воли, интерес характеризуется внешней направленностью на конкретные объекты гражданского оборота. Правовая природа интереса проявляется через его признание и защиту нормами гражданского законодательства. Объективированный характер интереса позволяет отделить юридически значимые потребности от субъективных желаний и предпочтений. Такое понимание закладывает основу для системного анализа функций интереса в механизме правового регулирования [13].

Систематизация интересов в гражданском праве осуществляется по критерию их носителя, выделяя частноправовые и публично-правовые разновидности. К первой группе относятся индивидуальные интересы конкретных лиц и групповые интересы объединений участников оборота. Публичный аспект представлен общественными интересами населения и государственными интересами, обеспечивающими функционирование публичного порядка.

Функциональная роль интереса проявляется в обеспечении динамики гражданских правоотношений и ограничении злоупотреблений субъективными правами. Как движущий фактор гражданского оборота, интерес стимулирует правомерную активность субъектов, формируя основу для возникновения обязательств. Одновременно интерес выполняет ограничительную функцию, устанавливая пределы реализации субъективных прав в целях защиты интересов других участников правоотношений [24].

Подводя итоги историческому анализу следует отметить, что в дореволюционной российской цивилистике доминирование волевой теории базировалось на философских концепциях автономии личности, восходящих к кантовской идее самоопределяющегося субъекта. Классические цивилисты, включая Д.И. Мейера и Г.Ф. Шершеневича, рассматривали волю как первооснову гражданско-правовых отношений, отводя интересу подчинённую роль. «Воля составляет существенный элемент сделки, без которого последняя немыслима», — подчёркивал И.Б. Новицкий [29], отражая устойчивость данного подхода в ранней советской доктрине. Такая позиция соответствовала индивидуалистической парадигме частного права, где свобода волеизъявления признавалась краеугольным камнем. Таким образом, даже в советский период, несмотря на идеологическое давление, концепция примата воли сохранила влияние в цивилистической науке, хотя и претерпела существенные корректировки. Теоретики социалистического права, такие как М.М. Агарков, пытались адаптировать волевою теорию к новым экономическим реалиям, сохранив её формаль-

но-догматический каркас [11]. Однако усиление публичного начала в гражданском праве постепенно подготовило почву для пересмотра классических воззрений. Этот переходный этап характеризовался противоречивым сочетанием традиционных постулатов с классовым подходом к регулированию имущественных отношений.

Современная доктрина баланса интересов сформировалась под влиянием усложнения гражданского оборота и появления новых договорных моделей, требующих повышенной защиты слабой стороны. Расширение практики присоединения к стандартным условиям договора, развитие потребительского законодательства и рост значения публичного порядка обусловили переоценку традиционных подходов. Как отмечает В.С. Ем, «интерес выступает объективным критерием, позволяющим оценивать правомерность поведения участников оборота вне зависимости от их субъективных намерений» [12]. Данный сдвиг отражает переход от индивидуалистической к социально ориентированной модели частного права. Концепция баланса интересов представляет собой синтетическую модель, интегрирующую элементы волевой теории с функциональным анализом социально-экономических последствий реализации прав. Она предполагает не отрицание значения воли, а её системное согласование с охраняемыми законом интересами участников правоотношений и общества в целом. «Динамика частного права требует постоянного поиска равновесия между автономией воли и социальной функцией институтов», — констатирует М.И. Брагинский [8]. Такой подход позволяет учитывать как субъективные намерения сторон, так и объективные условия гражданского оборота.

Переходя к вопросу нормативного оформления, анализируемого вопроса, следует отметить, что принцип свободы воли находит своё нормативное закрепление в ст. 1 Гражданского кодекса РФ, провозглашающей свободу договора в качестве одного из основополагающих начал гражданского законодательства. Данный принцип конкретизируется в статье 421 ГК РФ, устанавливающей право субъектов гражданского права самостоятельно определять условия заключаемых договоров. Такое регулирование отражает частноправовую природу гражданского права, обеспечивающую автономию воли участников оборота. Законодательное признание свободы воли создаёт необходимые предпосылки для развития гражданского оборота. Как отмечает П.В. Крашенинников, «свобода договора составляет ядро принципа автономии воли, позволяя сторонам самостоятельно формировать свои правоотношения» [20]. Вместе с тем реализация данного принципа не носит абсолютного характера, что подтверждает

ется правовой позицией Конституционного Суда РФ о необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов. Нормативное содержание свободы воли включает не только возможность свободного волеизъявления, но и ответственность за его последствия. Это соответствует общей тенденции современного гражданского права, направленной на обеспечение стабильности гражданского оборота. Важным аспектом реализации принципа свободы воли выступает его взаимосвязь с диспозитивным методом правового регулирования. Согласно ст. 421 ГК РФ, стороны вправе заключать договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные законом или иными правовыми актами. Данное положение подчеркивает производный характер законодательных норм от волеизъявления участников правоотношений. Диспозитивные нормы гражданского права выполняют восполнительную функцию, применяясь лишь при отсутствии иного соглашения сторон. Таким образом, свобода воли проявляется в возможности отступления от общих правил, если это не противоречит императивным требованиям закона.

Пределы реализации свободы воли установлены ст. 10 ГК РФ, запрещающей злоупотребление правом, а также иными нормами, направленными на защиту публичных интересов, основ правопорядка и нравственности. В частности, ограничения свободы договора могут выражаться в установлении императивных правил, запрете определённых видов сделок, необходимости получения разрешений или согласований. Как указал Верховный Суд РФ, «свобода воли не может быть реализована в ущерб правам и законным интересам третьих лиц» [1]. Кроме того, особые ограничения предусмотрены для защиты слабой стороны договора, что характерно для потребительских и трудовых отношений [17].

Таким образом, законодательные рамки свободы воли отражают компромисс между частной автономией и публичными интересами.

Говоря о защите интересов участников гражданского оборота, следует отметить, что гражданское законодательство РФ предусматривает комплексный механизм защиты, включающий судебные и внесудебные формы. Судебная защита реализуется через исковое производство, специальные процедуры оспаривания сделок и механизмы восстановления нарушенных прав. Внесудебные формы включают претензионный порядок, медиацию, а также самозащиту гражданских прав в установленных законом пределах. Данная система направлена на обеспечение баланса между автономией воли субъектов и охраной их законных интересов. Особое значение в системе внесудебных механизмов приобретают вопросы

доказывания при оспаривании сделок. Несмотря на то, что данное требование предъявляется к обоим видам сделок, в своей практической реализации применительно к внеуставным и безлицензионным сделкам оно существенно различается. Для признания внеуставной сделки недействительной требуется доказать, что другая сторона в сделке определённо знала о выходе своего контрагента за пределы его правоспособности, например, знакомилась с его учредительными документами или была извещена об этом иным образом, что создает дополнительные гарантии защиты добросовестных участников оборота [7].

Таким образом, эффективность защиты интересов оценивается через призму достижения баланса между частными и публичными интересами. Законодательные ограничения свободы договора, институт злоупотребления правом и механизмы защиты слабой стороны направлены на предотвращение дисбаланса в гражданском обороте. При этом, однако, сохраняется приоритет автономии воли как основополагающего начала гражданского права. Тогда как, критерием эффективности выступает способность правовых механизмов минимизировать конфликты без чрезмерного вмешательства в свободу договора.

Взаимодействие воли и интереса при совершении сделок проявляется через необходимость соответствия волеизъявления действительным намерениям сторон. Данный механизм обеспечивает баланс между автономией воли участников правоотношений и защитой их объективных интересов. Нормативное регулирование требует одновременного учёта как волевого элемента, так и целевой направленности действий субъектов. Коллизии между волеизъявлением и действительным интересом разрешаются через институты оспаривания и недействительности сделок. Несовпадение внешнего выражения воли внутреннему намерению может привести к признанию сделки недействительной по основаниям, предусмотренным статьями 170-179 ГК РФ. Законодатель дифференцирует последствия в зависимости от характера нарушения: ничтожные сделки противоречат публичным интересам, тогда как оспоримые затрагивают частные интересы сторон. Мнимые и притворные сделки представляют классические примеры расхождения между декларируемой и действительной волей участников. В таких случаях правоприменительная практика руководствуется принципом приоритета действительных интересов над формальным волеизъявлением. Установление истинной направленности воли сторон осуществляется через системное толкование условий сделки и фактических обстоятельств её совершения. Институты реституции и компенсации убытков служат восстановительным

механизмом при разрешении конфликтов между волей и интересом. Эти правовые средства направлены на устранение последствий недействительных сделок и защиту добросовестных участников оборота. Судебная практика демонстрирует тенденцию к поиску баланса между формальным соблюдением принципа свободы воли и материальной защитой законных интересов субъектов права.

Переходя к анализу судебной практики, следует отметить, что последняя демонстрирует многочисленные коллизии между волей и интересом участников гражданских правоотношений. Наиболее типичными случаями выступают споры о признании сделок недействительными вследствие пороков воли либо противоречия существенным интересам сторон [2]. Суды вынуждены устанавливать приоритет между действительными намерениями сторон (фактической волей) и объективно существующими интересами, защищаемыми законом. Особую сложность представляют дела, где формальное волеизъявление не соответствует подлинным целям участников правоотношения.

При разрешении указанных коллизий суды применяют различные критерии толкования противоречий между волей и интересом. Преобладает подход, основанный на установлении действительных намерений сторон через системное исследование фактических обстоятельств дела. Однако в случаях, когда волеизъявление явно противоречит охраняемым законом интересам (например, интересам недееспособных лиц), суды склонны руководствоваться объективным критерием разумности и справедливости. Данная практика отражает поиск баланса между принципом автономии воли и необходимостью защиты слабой стороны.

Решения, основанные на доминировании одного элемента, порождают неоднозначные последствия для стабильности гражданского оборота. Несмотря на существенные достоинства подобного предложения в регулировании семейных отношений, его нельзя назвать совершенным. Не исключается возможность появления в корпоративных отношениях некомпетентных лиц при наличии у них «существенного интереса в использовании данных объектов». Так, законодатель усложняет процесс правоприменения, используя оценочные категории, что может за собой повлечь затягивание судебных тяжб. Подобная неопределенность создает риски увеличения количества оспариваемых сделок и снижения предсказуемости судебных актов [15].

Таким образом, системный анализ правоприменительных проблем выявил отсутствие единых подходов к соотношению воли и интереса.

Ключевой сложностью остается неоднозначность критериев определения «существенного интереса» и «подлинной воли» в спорных ситуациях. Отсутствие четких ориентиров приводит к противоречивой судебной практике по аналогичным делам, подрывая принцип правовой определенности. Указанные проблемы актуализируют необходимость разработки унифицированных правовых позиций высшими судебными инстанциями.

Переходя к практическим предложениям следует отметить, что первостепенное значение для гармонизации рассматриваемых категорий имеет разработка иерархических критериев определения приоритета воли или интереса в зависимости от вида гражданского правоотношения. В договорных отношениях следует исходить из приоритета волеизъявления сторон при условии соблюдения баланса охраняемых законом интересов. В обязательствах из причинения вреда или неосновательного обогащения акцент должен смещаться на защиту имущественного интереса потерпевшего лица. Четкое разграничение сфер применения данных критериев позволит минимизировать субъективизм при разрешении правовых коллизий.

Эффективным инструментом преодоления противоречий между волей и интересом может стать формирование методики толкования, основанной на системном анализе фактических обстоятельств и правовых последствий. Такой подход предполагает последовательную оценку: условий возникновения правоотношения, характера взаимодействия сторон, степени влияния внешних факторов на формирование воли. Комплексный учёт объективных и субъективных элементов позволит выявить доминирующий элемент в конкретной правовой ситуации без нарушения системности гражданско-правового регулирования.

Совершенствование процессуальных механизмов установления действительной воли участников сделок требует внедрения специализированных процедур доказывания. В частности, в п. 7.2. Концепции совершенствования гражданского законодательства Российской Федерации предусматривалось решить на законодательном уровне вопрос о возможности закрепления признания договора незаключенным в качестве способа защиты прав и охраняемых законов интересов, а также определить его правовые последствия [15]. Представляется, что реализация данного предложения позволит четко дифференцировать последствия дефектов волеизъявления от нарушения охраняемых интересов.

Для обеспечения единообразия правоприменительной практики целесообразно создать систему рекомендаций по применению доктри-

нальных положений о балансе воли и интереса. Такие рекомендации должны включать типовые алгоритмы оценки конфликтных ситуаций, критерии определения злоупотребления правом и примеры судебных решений по различным категориям дел. Систематизация подходов высших судебных инстанций послужит основой для формирования стабильной и предсказуемой правовой среды.

Подводя заключительные итоги данной статьи, представляется необходимым сделать следующие выводы:

- 1) историко-правовой анализ эволюции категорий «воля» и «интерес» выявил их динамическую трансформацию в российском гражданском праве. От доминирования волевой теории в дореволюционный период произошел переход к идеологически обусловленному пониманию в советскую эпоху, где коллективные интересы превалировали над индивидуальным волеизъявлением. Современная парадигма характеризуется балансом этих категорий, где интерес выступает корректирующим фактором свободной воли в условиях усложнившегося гражданского оборота;
- 2) доктринальные модели соотношения воли и интереса демонстрируют эволюцию от монистических концепций к плюралистическим подходам. Если ранние теории абсолютизировали либо волю как основу сделки, либо интерес как первичную категорию, то современные подходы сохраняют волю в качестве базового элемента гражданских правоотношений. При этом интерес выполняет двоякую функцию: ограничивает злоупотребления свободой волеизъявления и катализирует защиту добросовестных участников, что соответствует потребностям диверсифицированного гражданского оборота;
- 3) общие нормы действующего ГК РФ отражают диалектическое взаимодействие исследуемых категорий: принцип свободы воли (ст. 1, 421) системно ограничивается институтами защиты интересов (ст. 10, 178, 179). Однако, отсутствие четких законодательных критериев их соотношения в конкретных нормах порождает правоприменительные коллизии, что особенно остро проявляется при квалификации оспоримых сделок, когда суды вынуждены самостоятельно определять приоритетность воли или интереса без единообразных ориентиров.
- 4) анализ судебной практики подтвердил необходимость разработки унифицированных

критериев баланса воли и интереса. Предложенная модель ситуационного приоритета предполагает допустимость ограничения воли интересами лишь при наличии системных рисков для гражданского оборота или необходимости защиты слабой стороны. Представляется, что такой подход позволит повысить предсказуемость судебных решений, обеспечив стабильность гражданско-правовых отношений без ущерба для принципа автономии воли участников гражданского оборота.

Список литературы:

- [1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
- [2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2021. №1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) // СПС Консультант Плюс.
- [3] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2025 года административных, гражданских, уголовных дел // <https://www.vsr.ru/documents/statistics/34611>
- [4] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.04.2025 №№ Ф03-672/2025, А04-6522/2021 // СПС Консультант Плюс.
- [5] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2024 № Ф05-35047/2023 по делу № А40-282201/2022 // СПС Консультант Плюс.
- [6] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.04.2025 № Ф05-3339/2025 по делу № А40-137830/2024 // СПС Консультант Плюс.
- [7] Алексеева М.А. Условия признания сделки недействительной по ст. 173 ГК РФ. Проблемы судебной практики // Российское правоведение: трибуна молодого ученого. - Томск, 2011. С. 137–138.
- [8] Брагинский М.И. Интерес и воля как критерии действительности сделки // Закон и право. 2022. №3. С. 34-37.
- [9] Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Гос. изд-во юр. лит., 1950. – 198 с.
- [10] Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества: монография. – Красноярск, 2001. – 241 с.
- [11] Гражданское право / Под ред. проф. М.М. Агаркова и проф. Д.М. Генкина, М.: Юриздат, 1944, Т. 1. – 263 с.

[12] Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова / Сост. В.С. Ем [и др.]. - М.: Статут, 2018. С. 67-72.

[13] Иванец, Г. И. Право как нормативное выражение согласованных интересов: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. - М., 2001. - 25 с.

[14] Иофе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. - М.: Статут, 2020. - 217 с.

[15] Испирян Г.К. Еще раз о правовом режиме конструкции незаключенного договора // Российское правоведение: трибуна молодого ученого. Томск, 2021. С. 78-81.

[16] Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. - М.: ЮРИНФОРМЦЕНТР, 2003. - 239 с.

[17] Калинин А.Ю. К вопросу о применении Закона «О защите прав потребителей» к правоотношениям в сфере образования // В сборнике: Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. сборник научных статей участников X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ГСГУ. Государственный социально-гуманитарный университет. Коломна, 2021. С. 45-51.

[18] Климов И.П. Государственная школа в российской историко-правовой науке XIX века // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. №3. С. 216-219.

[19] Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Издательство Мартынова, 1909. - 312 с.

[20] Крашенинников П.В. Свобода воли как критерий действительности сделки // Право и образование. 2023. №5. С. 45-48.

[21] Кузьмич А.П., Рылко Е.И. Гражданское право (часть 1): - Горки: БГСХА, 2023. - 149 с.

[22] Куницын А.С. Западная философия права и Российская естественно-правовая мысль: опыт соотношения идей и почвы // Ленинградский юридический журнал. 2015. №3 (41). С. 34-39.

[23] Максименко Е.И. О соотношении категорий «воля и «интерес» государства: теоретико-правовое исследование // Мир Закона. 2022. № 11-12 (247-248). С. 25-32.

[24] Малько А.В. Законные интересы как правовая категория. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. - 214 с.

[25] Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. - М.: Статут, 2017. - 217 с.

[26] Мейер Д.И. Русское гражданское право. - М., 1873. - 175 с.

[27] Мейер Д.И. Избранные труды: В 3 томах. - М.: Статут, 2022.

[28] Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях. Казань, 1854. - 178 с.

[29] Новицкий Б.И. История советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1957. - 242 с.

[30] Родина Т.Ю., Козин Д.А. Феномен воли и волеизъявления в недействительной сделке // Экономика. Социология. Право. 2023. №1 (29). С. 91-98.

[31] Сергеева О.В. Влияние цифровизации на регулирование преддоговорных отношений в международном частном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №3. С. 162-184.

[32] Темерев С.О. Воля и пороки воли в сделке // Вестник науки. 2025. № 7 (88). С. 157-165.

[33] Усач С.П., Борисова-Жарова В.Г. Проблемы правового регулирования сделок с недвижимостью в условиях цифровизации: анализ рисков ответственности // Столыпинский вестник. 2025. №4. С. 4-8.

[34] Чичерин Б.Н. Собственность и государство Ч.1. - М.: Тип. Мартынова, 1882. - 372 с.

[35] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. - 316 с.

[36] Шуваев Е.А. Интересы и воля через призму теорий о юридическом лице // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 6А. С. 121-133.

References:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.06.2015 No. 25 "On the Application by the Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" //SPS Consultant Plus.

[2] Review of the jurisprudence of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. No. 1 (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 07.04.2021) //ATP Consultant Plus.

[3] Review of statistical data on the consideration of administrative, civil and criminal cases in the Supreme Court of the Russian Federation in the first half of 2025// <https://www.vsr.ru/documents/statistics/34611>

[4] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 07.04.2025 No. F03-672/2025, A04-6522/2021//SPS Consultant Plus.

[5] Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 06.02.2024 No. F05-35047/2023 in case No. A40-282201/2022//SPS Consultant Plus.

[6] Decision of the Arbitration Court of the Moscow District of 08.04.2025 No. F05-3339/2025 in case No. A40-137830/2024//SPS Consultant Plus.

[7] M.A. Alekseeva. Terms of invalidation of the transaction under Article 173 of the Civil Code of the

Russian Federation. Problems of judicial practice// Russian jurisprudence: tribune of a young scientist. - Tomsk, 2011. S. 137-138.

[8] Braginsky M.I. Interest and will as criteria for the validity of the transaction//Law and law. 2022. №3. S. 34-37.

[9] Brotherly S.N. Subjects of civil law. - M.: State. Publishing House Jurassic lit., 1950. - 198 s.

[10] Goncharova A.N. The problem of coordination of public and personal interests in the process of building a civil society: monograph. - Krasnoyarsk, 2001. - 241 s.

[11] Civil Law/Ed. Prof. M.M. Agarkova and prof. D.M. Genkina, M.: Yurizdat, 1944, T. 1. - 263 p.

[12] Civil law: modern problems of science, legislation, practice: a collection of articles for the anniversary of Doctor of Law, Professor Evgeny Alekseevich Sukhanov/Comp. V.S. Em [et al.]. - M.: Statute, 2018. S. 67-72.

[13] Ivanets, G.I. Law as a normative expression of agreed interests: abstract. dis.... cand. juris sciences. - M., 2001. - 25 s.

[14] Iofe O.S. Selected works on civil law. From the history of civilistic thought. Civil relations. - M.: Statute, 2020. - 217 s.

[15] Ispiryay G.K. Once again about the legal regime of the construction of an open treaty//Russian jurisprudence: tribune of a young scientist. Tomsk, 2021. S. 78-81.

[16] Cavelin C.D. Selected Works in Civil Law. - M.: YURINFORM CENTER, 2003. - 239 p.

[17] Kalinin A.Yu. On the application of the Law "On Protection of Consumer Rights" to legal relations in the field of education//In the collection: Law and the state, society and personality: history, theory, practice. collection of scientific articles by participants of the X All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation of the SSSU. State Social and Humanitarian University. Kolomna, 2021. S. 45-51.

[18] Klimov I.P. State School in Russian Historical and Legal Science of the 19th Century//Bulletin of Tyumen State University. 2011. №3. S. 216-219.

[19] Korkunov N.M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg: Martynov Publishing House, 1909. - 312 s.

[20] Krashenninnikov P.V. Free will as a criterion for the validity of a transaction//Law and education. 2023. №5. S. 45-48.

[21] Kuzmich A.P., Rylko E.I. Civil law (part 1): - Slides: BSHSA, 2023. - 149 s.

[22] Kunitsyn A.S. Western Philosophy of Law and Russian Natural Legal Thought: Experience of Correlation of Ideas and Soil//Leningrad Law Journal. 2015. №3 (41). S. 34-39.

[23] Maksimenko E.I. On the ratio of the categories "will and "interest" of the state: theoretical and legal research//World of Law. 2022. № 11-12 (247-248). S. 25-32.

[24] Malko A.V. Legitimate interests as a legal category. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. - 214 s.

[25] Mandzhiev A.D. Free will in contractual legal relations. - M.: Statute, 2017. - 217 s.

[26] Meyer D.I. Russian civil law. - M., 1873. - 175 s.

[27] Meyer D.I. Selected Works: In 3 volumes. - M.: Statute, 2022.

[28] Meyer D.I. On legal fiction and speculation, on covert and feigned acts. Kazan, 1854. - 178 s.

[29] Novitsky B.I. History of Soviet civil law. M.: Gosyurizdat, 1957. - 242 s.

[30] Homeland T.Yu., Kozin D.A. Phenomenon of will and will in an invalid transaction//Economics. Sociology. Right. 2023. №1 (29). S. 91-98.

[31] Sergeeva O.V. Impact of digitalization on the regulation of pre-contractual relations in private international law//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. №3. S. 162-184.

[32] Temerev S.O. Will and the vices of will in the transaction//Bulletin of Science. 2025. № 7 (88). S. 157-165.

[33] Usach S.P., Borisova-Zharova V.G. Problems of legal regulation of real estate transactions in the context of digitalization: analysis of liability risks//Stolypinsky Bulletin. 2025. №4. S. 4-8.

[34] Chicherin B.N. Property and State Ch.1. - M.: Type. Martynova, 1882. - 372 p.

[35] Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law. M., 1911. - 316 s.

[36] Shuvaev E.A. Interests and will through the prism of theories about a legal entity//Questions of Russian and international law. 2022. VOL. 12. № 6A. S. 121-133.

